

НАРОДЫ СССР

Н. А. Томилов. Тюркоязычное население Западно-Сибирской равнины в конце XVI — первой четверти XIX в. Томск: Изд-во Томского университета, 1981. 274 с.

Монография Н. А. Томилова — первое исследование, обобщающее обширные материалы по различным группам татарского населения Западной Сибири. Работа написана на основе широкого круга источников — главным образом историко-архивных, литературных и полевых сборов автора 1969—1979 гг.

Книга состоит из введения, трех глав и заключения. Во введении (с. 3—14) автор дает общее представление о тюркоязычном населении Западной Сибири, уделяя особое внимание термину «сибирские татары», формулирует задачи и методы исследования, характеризует его источники.

Н. А. Томилов поставил перед собой интересные задачи: 1) выделение этнических и этнографических групп тюркоязычного населения; 2) выявление изменений в их численности и расселении в XVI—XIX вв., их миграций, этнических связей и контактов между собой и с соседями; 3) выявление этнических компонентов в составе выделенных групп в связи с их происхождением; 4) определение степени взаимосвязанности этнических групп населения на данной территории.

Книга Н. А. Томилова написана по единой схеме: каждая глава посвящена территориальному объединению из нескольких тюркских этнических групп, каждой из которых отведен специальный раздел. Как правило, автор придерживается единообразной схемы изложения материалов: историческая часть, характеристика выделенных им локальных групп, изменения в их расселении и численности. Такая в целом стройная композиция работы, так же как и наличие указателя этнонимов, родовых, племенных, патронимических и территориальных названий, значительно облегчают пользование книгой.

Все главы книги содержат много новых ценных материалов, особенно по вопросам расселения исследуемых групп татар, динамики численности каждой из них в XVII — первой четверти XIX в., а также их происхождения. Интересна попытка автора определить общую численность всех татар на 1816 г. (с. 252). Сделать это было нелегко, так как Н. А. Томилов не располагал полными данными о численности в указанное время некоторых групп татарского населения. Однако автор мог бы не ограничиваться 1816 г. и попытаться проследить динамику численности всего татарского населения (а не только этнических и локальных групп) в различные периоды, например в конце XVII, начале XVIII, конце XVIII в.

Большую ценность представляют данные автора о степени эндогамности рассматриваемых локальных групп, статистические сведения о направленности межгрупповых (брачных) связей, а также вычисленный автором коэффициент для определения численности татар по числу мужского трудоспособного населения (с. 42—43 и др). Весьма убедительны выводы Н. А. Томилова о том, что в рассматриваемый период численность тюркского населения Западной Сибири не снизилась. Пожалуй, лучшими по полноте, многообразию материалов, характеру исследования являются разделы «Ясколбинские (заболотные) татары» и «Барабинцы».

Приходится только сожалеть об отсутствии заключительных разделов в каждой главе, где могли быть помещены выводы автора об описанных в них территориально-этнических группах в целом, динамике их численности, изменениях в расселении и их происхождении. Нет такого обобщающего раздела и в конце книги.

Н. А. Томиловым проделана большая работа по выделению различных групп татарского населения и обоснованию принципов такой дифференциации. Автор выявляет территориально-этнические и локальные группы (или подразделения этнографического порядка). Отметим некоторую расплывчатость и нечеткость определений подразделений и их основных признаков. В общей части, где автор дает определение подобным группам, им названы не все признаки (с. 10), не выделены даже те, на которые он сам ссылается при изложении конкретных материалов по отдельным группам. Хотелось бы, чтобы автор на своих материалах показал, чем отличаются друг от друга критерии для выделения различных категорий татарского населения. Автору следовало быть более четким в терминологии: к объединениям одной и той же категории он применяет термины «группа» и «подгруппа» (ср. с. 136 и 247, 119 и 247).

Первая, самая большая глава — «Тюркское население Тоболо-Иртышского междуречья» (с. 15—109) — состоит из трех разделов, в которых дано описание отдельных этнических групп тюркского населения этого региона — тюменско-туринских, тобольских и ясколбинских. В ней Н. А. Томилов прослеживает древние связи тюркского и угорского населения на данной территории, аргументированно обосновывает терминологию, принятую им по отношению к выделенным локальным группам, изменения в их расселении и численности. Однако не совсем ясна этническая принадлежность верхотурских татар (с. 30—33); непонятно, почему туринских татар правильнее включать в состав тюменских (с. 19). Вероятно, можно было проследить среди туринских, тюменских, ялutorовских и верхотурских татар угорский компонент. Автор сам пишет о распространении на этой территории терминов «остяк», «иштек», «эштек». Думается, он неправ, утверждая, что в Туринском уезде «ханты... не проживали» (с. 22). В XVII в. по р. Тура жили также не только татары и манси, но и отатарившиеся манси, поскольку здесь интенсивно шли процессы ассимиляции манси татарами.

Заметим также, что общепринятый термин «заболотные татары» более устойчив, чем предложенный автором — «ясколбинские татары», тем более, что точно этот же термин он предлагает и для одной из локальных групп заболотных татар. Слабо аргу-

ментированным остается предположение автора о вхождении в состав заболотных татар самодийского компонента (с. 97, 104, 190).

В трех разделах второй главы — «Тюркские группы Среднего Прииртышья и Барабинской низменности» (с. 111—180) — характеризуются три территориально-этнические группы тюрков — каурдакско-саргатские (тевризские), тарские и барабинцы. Н. А. Томилов убедительно обосновывает неправомерность термина «тевризские татары» (с. 116—117). В разделе, посвященном барабинским татарам, интересна попытка выделить локальные группы барабинцев. Несмотря на то что современные лингвисты считают барабинский диалект единым и не выделяют в нем говоров, Н. А. Томилов на основании изучения их хозяйства, культуры, обычаев, брачных связей (по данным семейных родословных) правомерно разделяет барабинских татар на три локальные группы — барабинско-турашскую, любейско-тунусскую и теренинско-чойскую (с. 158, 159, 164, 166, 247).

Думается, что в происхождении барабинцев предки обских угров и селькупов сыграли более значительную роль, чем полагает автор (с. 163—164). Уже из материалов данной книги видно, что барабинцы по своей социальной структуре (наличие родственных генеалогических групп, называемых по наименованию животных, птиц, особенностям характера людей) отличаются от других групп сибирских татар (кроме, пожалуй, ясколбинских, у которых, видимо, также присутствует угорский компонент) и весьма близки к обским уграм и селькупам, особенно первым.

В этой связи интересно было бы провести лингвистический анализ ряда племенных названий барабинцев (с. 157) и наименований их селений (с. 159), тугумов (с. 160), сравнив их с обско-угорскими и селькупскими антропонимами и топонимами.

Противоречит материалам автора вывод о связи названия Каргалинской волости с термином *кара гала* — журавлиные люди (с. 163). Ранее Н. А. Томилов приводит значение татарского термина *карга* — ворон (с. 161), от которого, возможно, и произошло название данной волости.

Интересны приведенные автором параллели в этнонимах и культуре барабинских татар, с одной стороны, и якутов, долган, хакасов — с другой (с. 165—166). Отметим лишь, что этот общий для них пласт культуры может быть связан не с тюрками, а с более древними кочевниками, пришедшими с юга и вошедшими в состав как этих народов, так и, например, обских угров.

Третья глава — «Тюркоязычные группы Томского Приобья» (с. 181—245) — состоит из четырех разделов, посвященных томским татарам (эуштинцам), чатам, обским татарам и калмакам.

Не совсем ясны отличительные признаки и происхождение басандайских и евагинских (тегильдеевских) татар. По-видимому, это связано с недостаточностью материалов. Также условно пока, видимо, выделение локальных групп обских татар — темерчинских, шегарских, провско-соргулинских и черномысских. В основе их выделения лежат лишь данные об их происхождении, далеко не всегда достаточно полные и ясные. Некритично, на наш взгляд, подходит Н. А. Томилов к выводу Г. И. Пелих о генетической связи между томскими и саянскими карагасами (с. 221). Материалы Г. И. Пелих о прямых аналогиях в культуре тех и других неубедительны¹.

Как отмечалось, одним из источников рецензируемого труда являются этнонимические и топонимические материалы. Н. А. Томилов в целом успешно использует их. Тем не менее по поводу отдельных интерпретаций автора хотелось бы высказать замечания или сделать дополнения. Так, при рассмотрении этнического состава саргатско-утузской группы татар Среднего Прииртышья автор высказал предположение, что *ктани* (потомки киданей) попали на Иртыш «скорее всего после XII в. со стороны Саян и Алтая либо могли появиться в составе переселенцев-казахов или каракалпаков, у которых этот этноним также отмечен» (с. 122). Возможно и третье предположение, не исключающее двух предыдущих: отдельные группы киданей (видимо, уже смешавшихся с тюрками²) могли проникнуть в Прииртышье и с юга — из Семиречья и Присырдарьинских районов — как в период монгольского нашествия, так и несколько позже. Об этом свидетельствует тот факт, что в первой четверти XV в. в Восточном Дашти-Кыпчаке *ктаи* (*хитаи*) были известны как одно из племен кочевых узбеков; глава этого племени участвовал в возведении на престол Абулхайр-хана в г. Таре³.

Среди племен кочевых узбеков источники называют и чатов (*чат/джат*). Это отмечает и автор, справедливо связывая с ними одноименную группу тюркского населения Томского Приобья (с. 207). Остается непонятным, почему автору понадобились весьма неубедительные, основанные лишь на сомнительном созвучии сопоставления этнонима *чат* с наименованиями *джетири* и *джета* (с. 207). Наименованием *джетири* обозначалась группа из семи казахских родов Младшего жуза (казах. *жеті* — семь, *ру* — род), а *джета* — уничижительное прозвище (в значении «разбойник», «бродяга»), данное чагатаями населению Моголистана.

Что касается этногенетических корней чатов, то Н. А. Томилов ищет их «в племени *шад* (или *шато*) XI в., которое являлось кимакским по происхождению и проживало на Иртыше» (с. 207). Однако в одном из последних специальных исследований о кимаках

¹ Пелих Г. И. Происхождение селькупов. Томск. 1972, с. 238—257.

² История Казахской ССР с древнейших времен до наших дней. В пяти томах. Т. 2. Алма-Ата: Наука, 1979, с. 38.

³ Семенов А. А. К вопросу о происхождении и составе узбеков. — Материалы по истории таджиков и составу узбеков Шейбани-хана Средней Азии. Вып. 1. Сталинабад: Изд-во АН ТаджССР, 1954, с. 24.

отмечается, что слово *шад* не этноним, а титул главы кимаков⁴. Тем не менее участие кимакских племен в этногенезе прииртышских групп сибирских татар несомненно.

В составе татар с VIII в. известны и тогуз-татары, поддерживающие постоянные политические связи с огузскими племенами⁵. Следовательно, этноним *тогуз/токуз* сибирских татар может восходить как к тогуз-огузам (таково мнение автора — с. 73), так и к татарам, упоминаемым в древнетюркских надписях.

Использование этнонимов и топонимов в качестве источника для изучения этногенеза таит в себе опасность принять простое созвучие за действительную близость. Как отмечалось, несмотря на серьезность подхода Н. А. Томилова к указанному виду источников, все же его порой можно упрекнуть в недостаточной обоснованности некоторых сопоставлений. Так, вызывает сомнение сопоставление *торна*, *тырна* — названий объединений родственных групп барабинцев — с башкирскими *тырнаклы* (с. 137), ибо эти наименования происходят от слов разного значения: два первых — «журавль», третье — «когтистый» (*тырناق* — ноготь, коготь, *лы* — словообразующий аффикс), вернее (по аналогии с другими этнонимами с аффиксом обладания), «имеющий [тамгу] в виде когтя».

Вряд ли есть основания столь категорично связывать этноним *кулеба* барабинцев и топоним *Куляба* с таджиками *кулобӣ* (с. 163, 165). Думается, что выходцы из Куляба вне пределов Бухарского ханства стали бы называть себя, как и другие группы из Среднеазиатского междуречья, скорее бухарцами (*бухарӣ*, *бухарлык*). Этноним *курама* у барабинцев (с. 161) мог появиться вне связи с одноименной группой узбеков, ибо этим термином (букв. «лоскутный») у многих тюркских народов обозначались группы, сложившиеся из различных этнических компонентов. Среди топонимов обращают на себя внимание названия селений, содержащие слово *тамак* — «устье» (Уштамакские юрты, Ишим-тамак, Тар-тамак, Лаймы-тамак и др.). Автору следовало бы обратить на это внимание как на свидетельство наличия речного типа заселения.

Сделанные замечания не снижают ценности работы Н. А. Томилова. Это капитальное, интересное исследование. В целом отметим, что Н. А. Томилов проделал огромную работу по обобщению комплекса разнообразных источников — литературных, архивных, полевых, выявлению различных компонентов в составе тюркских групп, их дифференциации, установлению динамики их численности, изменений в расселении на протяжении XVI — первой четверти XIX в. В этом несомненная ценность книги, которая будет полезна не только сибироведам, но и широкому кругу историков и этнографов.

Б. Х. Кармышева, З. П. Соколова

⁴ Кумекон Б. Е. Государство кимаков IX—XI вв. по арабским источникам. Алма-Ата: Наука, 1972, с. 113.

⁵ Там же, с. 41.

ДВЕ КНИГИ О НАРОДНОМ ИСКУССТВЕ

Народное искусство Российской Федерации из собрания Государственного музея этнографии народов СССР/Автор-сост. Молотова Л. Н. Л.: Художник РСФСР, 1981. 203 с.; Калмыкова Л. Э. Народная вышивка Тверской земли. Вторая половина XVIII — начало XX в. Л.: Художник РСФСР, 1981. 204 с.

Альбомы стали сейчас одним из основных видов публикаций по народному искусству. Их выпускают главным образом музеи, публикуя накопленные богатства по народному искусству. Принцип подбора материала разный: тематический, региональный, этнический.

В последнее пятилетие изданы альбомы: «Русское искусство XVII — начала XX в.» (Л., 1978) — по материалам коллекций Государственного Эрмитажа; М. А. Некрасова — «Современное народное искусство» (Л., 1980) — по материалам выставок 1977—1978 гг.; Л. Н. Молотова — «Народное искусство Российской Федерации из собрания Государственного музея этнографии народов СССР» (Л., 1981); Л. Э. Калмыкова — «Народная вышивка Тверской земли (вторая половина XVIII — начало XX в. Из собрания Загорского государственного историко-художественного музея-заповедника» (Л., 1981) и др. Все они выпущены издательством «Художник РСФСР».

Остановимся на двух последних альбомах.

В альбоме А. Н. Молотовой представлены лучшие образцы прикладного искусства народов РСФСР из собрания ГМЭ. Иллюстрациям предпослан небольшой текст (35 с.), в котором очень кратко охарактеризованы народная культура и искусство русского и других народов северо-запада РСФСР, Поволжья и Приуралья, Сибири и Дальнего Востока, Северного Кавказа. Книга превосходно оформлена, листы с иллюстрациями не перегружены, и предметы даны на спокойном цветовом фоне. Здесь представлены великолепная вышивка, резьба по дереву, деревянная скульптура и игрушка, изделия из глины (посуда, игрушки), бересты, художественный металл, одежда из рыбьей кожи, украшения из бисера, кораллов и жемчуга. Все иллюстрации хорошо документированы, и альбом может быть рекомендован широкому кругу читателей. Хотелось бы сделать только два замечания. Думается, что раздел «Искусство народов северо-запада» лучше было бы назвать «Искусство народов Европейского Севера», поскольку коми все же